

так же делает его пластичным и продуктивным, с точки зрения его создателей.

Подводя итог данной статьи, отметим, что хотя школа «Анналов» оказала несомненное влияние на отечественную историческую антропологию и во многом определила её сущность и направление, всё же школа А.Я. Гуревича имеет собственные неповторимые черты и пути развития.

1. Гуревич А.Я. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. □4. С. 32.

2. Гуревич А.Я. «Одиссею» — 10 лет // Одиссей. 1998. М., 1998. С. 5.

3. Гуревич А.Я. От истории ментальности к историческому синтезу. С. 20. // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». — М.: 1993. — 208 с.

4. Агирре Рохас К.А. «Анналы» и марксизм (Десять тезисов об исторических парадигмах). С. 103-106. // Споры о главном... — М.: 1993. — 203 с.

5. Шкуратов В.А. Историческая психология. — М.: Смысл. 1997. — 505 с. С. 87.

6. Там же, с.119.

ВОЙНА ПОЛОВ — МУЖСКИЕ ИГРЫ

И.П. Малинова

Малинова Изабелла Павловна — доктор философских наук, профессор, декан факультета магистерской подготовки УрГЮА.

«Красота спасет мир». — И весьма возможно, что мужская. Если, конечно, принять за аксиому, что красота — это неагрессивный способ завоевания. Женская красота на поприще нравственного спасения мира потерпела поражение. Обнажившись и став предметом массового тиражирования, она упустила свои шансы в селекции моногамных мужчин — искусственно выведенного в Европе вида, определяющего демографическое благополучие цивилизации, строящейся на принципе равенства полов.

Мужчине необходим риск, конфликт, состязание и завоевание. И поскольку цивилизованное существование дает мало возможностей для реализации прямой агрессии, мужской социум продублировал все технологии агрессии в спорте. Тысячелетия длящаяся война полов также нашла свое спортивно-состязательное выражение. В XX веке любовь начала приобретать черты, присущие спорту, публичному действию, в основе которого лежит древний принцип потлача — бахвальства (в данном случае — сексуального). В результате война полов стремительно стала переходить из затянувшейся стадии борьбы за прекрасную даму в стадию борьбы с дамами вообще — прекрасными и не очень — сразу

по двум фронтам. Первый из которых — борьба за эмансипацию мужчины от тенет моногамии; второй — борьба против женской экспансии в политику и управление.

Идея первого фронта, в общем, понятна: западная цивилизация слишком закрепостила мужчину в институтах моногамии, и он, совершенно интуитивно, создал культ женской красоты как публичного достояния. (Не зря же в мусульманском мире все наоборот: полигамный брак и жесточайший запрет на демонстрацию женского тела).

Западная цивилизация в XX веке создала целую мифологию недетородной, безбрачной сексуальности, лежащую в основе шоу-бизнеса, рекламы, постмодернистской гендерной идеологии: женщина — сексуальная игрушка (не мать, не жена) и мужчина — боец, делец, охотник, плейбой (не муж, не отец). При этом определенность пола и половой самоидентификации приобрела карнавальную характер. В этой веселой нарциссистской мифологии люди поют, пляшут, пьют, дерутся, убивают, совокупляются, меняют пол, не забывая при этом об идеалах свободного мира и их универсальном эквиваленте — деньгах. Эта мифология продержалась несколько десятилетий, стубила несколько поколений и обрела неуязвимость, распавшись на множество мифологем, вошедших в архетипический, базовый уровень культуры.

Ренессанс семьи и детородной сексуальности степенно снизошел в этот девиантно-мифологический бедлам в пенном покрывале «мыльных опер». Мифология моногамного брака обрела второе дыхание за счет крайней авантюристичности и фантазийности его протекания — в сочетании с идеей респектабельности и незыблемости клановых связей. Роковая любовь, внебрачные дети, случайный инцест, потеря памяти, утрата и обретение капиталов, ревность и страсть в почтенном возрасте — и все это в Семье, в Браке.

На горизонтах развития человеческой цивилизации западного типа забрезжила идея смены гендерных приоритетов. Предсказания грядущего доминирования женского начала в развитии цивилизации (если отвлечься от их радикальных вариантов) прочитываются двояко. Во-первых, как идея женской экспансии (на паритетных с мужчинами началах) в сферы власти и управления — экспансии умеренной, не содержащей

в себе тенденций ни матриархата, ни маскулинизации женщины. Во-вторых, как идея цивилизационной эволюции мужского социума — освобождения его от рудиментов первобытности, сотрясающих мир по сей день (войны, драки, хулиганство, жестокость как вид развлечения, любовь как насилие). Согласно этим представлениям, мужской социум может сохранить свое доминирование в мире, если перестанет, наконец, его терроризировать.

Мужское начало человеческой цивилизации еще античные греки персонифицировали в образе Хроноса, рождающего и пожирающего своих детищ. Из всего, что создал этот бог для собственного пропитания, он подавился только египетскими пирамидами и китайской стеной, обломал зубы о ряд других колоссальных сооружений, хотя аппетита это ему не испортило, и когда он трапезничает, именно мужчины прислуживают ему.

Стремясь к гендерному равенству, женщины вовсе не хотели разрушить Брак и Семью, им просто надоело веками тикающий хронометр агрессии и насилия. И есть сильные сомнения в том, что идея превалирования женского начала в дальнейшем развитии цивилизации проливает елей на женские сердца. Интуиция женщины

по поводу этой теории наводит ее на мысль, что, наигравшись женщинами, мужчина теперь непрочь сам поиграть в женщину.

Женская мудрость гласит: мужчина — большой ребенок. А если ребенок не играет, то он болен. Пусть играет, но только не в войну, не в Казанову и, упаси господь, не в слабый пол.

Неагрессивные способы реализации конкурентно-завоевательного потенциала мужчины — вот что должно стать конструктивным началом дальнейшего развития цивилизации. «Гениальность — вторичный половой признак мужчины» — говорил русский физиолог И. Мечников. И, может, пора сосредоточиться на культивировании этого вторичного признака, чтобы первичные не утратили своего фундаментального значения?

НАЦИОНАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ГРАЖДАНИН МЕЖДУ ХОЛИЗМОМ И РОБИНЗОНАДОЙ

М.А. Фадеичева

Фадеичева Марианна Альфредовна — кандидат философских наук, доцент, докторант Института философии и права УрО РАН.

Национальная и этническая идентичность связана с политической проблемой государственного устройства РФ, для которой эта проблема не решена. РФ досталось устаревшее государственное устройство, основанное на смешении двух принципов: территориального и этнотерриториального. Поэтому выяснение соотношения национальной и этнической идентичности носит не только культурологический, но и политологический характер. Поиски этнической идентичности выходят за рамки личного дела гражданина, подмена национальной идентичности этнической чаще всего становится «общим делом» этнических политических элит, служит средством мобилизации масс и манипуляции ими. В современной России эта проблема носит особо острый характер в связи с тем, что касается она не только и не столько процесса социализации личности и самоопределения индивида, сколько процесса социальной трансформации и постсоветских политических реалий.

Многозначность идентичности.

Русскоязычная гуманитарная наука часто пользуется заимствованными терминами, которые переводятся то с греческого, то с латыни, то с европейских языков. Термин «идентичность» широко вошел в словарь гуманитарных наук и в междисциплинарные исследования с конца 70-х годов XX века, что связано с именем Э. Эриксона. Советская гуманитарная наука восприняла этот иностранный термин примерно на десять лет позже. Особую актуальность он приобрел в 90-х годах в контексте проблемы этнической идентичности. Хотя эта проблема была сформулирована только в конце XX века, на всем его протяжении она оставалась актуальной